

Н.И. Таганцев

**Карательная деятельность
государства и ее границы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
Н11

Н11 **Н.И. Таганцев**
Карательная деятельность государства и ее границы / Н.И. Таганцев – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 60 с.

ISBN 978-5-518-07081-3

ISBN 978-5-518-07081-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Кто имѣетъ право наказывать?

А. Субъектъ карательной власти.

2. Несомнѣнно, что и въ первоначальномъ, дообщественномъ состояніи, нападеніе человѣка на человѣка вызывало защиту. принятіе охранительныхъ мѣръ противъ нападающаго; мало того, испытанное страданіе, болѣе или менѣе продолжительная боль, часто возбуждали инстинктивную потребность отплаты насиліемъ, уничтоженія врага и охраненія себя черезъ то въ будущемъ. Но эта защита и расправа, аналогичныя съ подобными же явленіями въ мірѣ животныхъ, имѣла случайный, фактическій, а не правовой характеръ. За отсутствіемъ общежитія. въ первичномъ быту человѣчества нѣтъ твердо установленныхъ требованій, которыми-бы опредѣлялась охрана интересовъ, взятыхъ подъ общественную защиту, нѣтъ той власти, которая могла-бы требовать отъ другихъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ.

3. Только съ зачатками общежитія появляется идея объ обязательной неприкосновенности интересовъ, о правовыхъ нормахъ и о возможности взысканія съ нарушителей во имя неисполненныхъ требованій права.

Проходили вѣка, общежитіе крѣпло, складывалось въ болѣе опредѣленныя, устойчивыя формы, дѣлалось самосознающимъ и самостоятельнымъ, органически сплоченнымъ единствомъ, иначе, преобразовывалось въ государство; но принципъ его власти надъ индивидами оставался неизмѣннымъ. Даже въ тѣ эпохи, когда развившаяся абсолютная государственная власть, какъ-бы стерла и поглотила общество и изъ

L. L a i s t n e r, das Recht in der Strafe, 1872; C W ä c h t e r, Beilagen zu Vorlesungen über das deutsche Strafrecht, 1877, стр 10—56; F P è l i e, Introduction à Traité de droit penal de M Rossi, 3 ed 1865. Монографія *А. Чебышева-Дмитріева*, о правѣ наказанія, 1859, представляетъ изваченіе изъ сочиненія Нерра; Н. Д. Сергѣевскій, о правѣ наказанія, Юрид. Вѣстн. 1881 г. мартъ

его представителя обратилась въ самостоятельную, въобще-
ственную силу, и тогда истиннымъ субъектомъ карательнаго
права оставалось само общество, такъ какъ только изъ его при-
роды можно было вывести принудительный характеръ этого
права.

4. Но по самому существу своему, общество, за рѣдкими
исключеніями народнаго суда и расправы, должно было съ
перваго же момента своего бытія осуществлять карательное
право черезъ представителей.

Такимъ замѣстителемъ являлось первоначально пострадав-
шее лицо и его родичи; такъ какъ въ понятіи преступленія
на первомъ мѣстѣ по-прежнему стоялъ вредъ, нанесенный
частному лицу и требующій отмщенія.

Однако эта личная и родовая или семейная месть уже утра-
чиваетъ случайный характеръ примитивной расправы, ста-
новится правовымъ институтомъ. Местникъ осуществляетъ не
свои инстинктивные потребности, а выполняетъ какъ-бы обя-
занность предъ обществомъ; месть составляетъ не только его
право, но и долгъ, осуществленіе котораго, по словамъ одна-
го изъ нашихъ изслѣдователей ¹⁾, также мало зависитъ отъ
субъективнаго взгляда местника, какъ слова и формы эпиче-
ской поэмы отъ передающаго ее пѣвца. Мѣра и границы этой
мести опредѣляются неуклонною силою преданія и обычая.

Черезъ эту стадію юридической мести прошли всѣ народы
въ первичный періодъ ихъ государственнаго быта: объ этомъ
свидѣтельствуютъ ихъ пѣсни, преданія; это подтверждается
обычаями многихъ и нынѣ существующихъ племенъ; слѣды
этого періода находимъ мы и въ древнѣйшихъ юридическихъ
памятникахъ. Таковы законы Моисея. XII таблицъ. *leges bar-*
barorum. Русская Правда.

5. Эти же сборники народной правды первыхъ вѣковъ
исторической жизни, указываютъ и на постоянно развивавшуюся

---

¹⁾ А. И. Чебышевъ-Дмитріевъ, о преступномъ дѣйствіи по русскому до-пе-
тровскому праву, 1862, стр. 36. Особенно извѣстенъ теократическій характеръ
мести у грековъ и римлянъ: мстителю являлся исполнителемъ воли божества.

ся замѣну расправы пострадавшихъ чисто публичными взысканіями, расплатою общественною.

Къ такой замѣнѣ по необходимости приводила уже и система денежныхъ выкуповъ, постепенно вытѣснявшая кровную месть. Если взысканіе и шло въ пользу пострадавшаго, то все таки мѣра его опредѣлялась не по усмотрѣнію мстителя, а по напередъ установленнымъ правиламъ; осуществленіе уплаты независимо отъ одного добровольнаго соглашенія, но могло быть вынуждено обращеніемъ къ власти публичной.

Кромѣ того, такіе выкупы нарушеній общественнаго мира наводили на мысль налагать ихъ не только во имя общества, но и въ его интересахъ, или, еще проще, въ интересахъ той власти, которая, управляя обществомъ, естественно пользовалась и матеріальными выгодами, имъ доставляемыми. Отсюда повсемѣстно являющійся публичный характеръ композицій; различеніе, напр у насъ, въ эпоху Русской Правды, вирь и продажъ, получаемыхъ княземъ, какъ представителемъ общества, отъ головничества и уроковъ, какъ вознагражденія пострадавшаго.

Система публичныхъ денежныхъ взысканій могла быть только переходною. Она, по существу своему, представляла отрицательное значеніе, была сдержкою, ограниченіемъ мести. Не могъ-же напр. свободный славянинъ, привывшій доселѣ кровью расчитываться за обиду и видѣть въ мести священную обязанность, — считать себя удовлетвореннымъ, если зажиточный обидчикъ уплачивалъ князю или митрополиту отъ 3—40 гривенъ, да прибавлялъ и ему столько-же за лечьбу и соромъ; не могло считать себя успокоеннымъ этими мѣрами и общество, въ виду постоянного возрастанія разбоевъ и лихихъ дѣлъ разнаго рода.

Такимъ образомъ, рядомъ съ системою композицій вырастаетъ система общественныхъ казней, въ видѣ напр. потока и разграбленія, указанныхъ въ Русской Правдѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и права общественнаго мстителя переходятъ исполнѣ и окончатель-но на представителя правительственной власти, и чѣмъ сильнѣе крѣпнетъ государство, тѣмъ болѣе отодвигается на задній планъ

пострадавшее лицо. Преступление становится исключительно „царевымъ дѣломъ“ „ослушаніемъ его воли,“ а потому мстителемъ за его совершеніе является та-же царская власть: „а не будетъ,“ говоритъ Котошихинъ про эпоху Алексѣя Михайловича. „въ смертномъ дѣлѣ челобитчика, и такимъ дѣламъ за мертвыхъ людей бываетъ истецъ самъ царь“.

Съ другой стороны, сосредоточеніе карательной дѣятельности въ рукахъ правительства и его органовъ объясняется, какъ справедливо замѣчаетъ В. Спасовичъ (стр. 1), еще и тѣмъ, что „во 1-хъ, одно только правительство обладаетъ въ обществѣ достаточною матеріальною силою, чтобы охранять съ успѣхомъ обезпечиваемыя государственнымъ союзомъ права и общества и частныхъ лицъ; а во 2-хъ, правительство по своему выдающемуся положенію надъ всѣми недѣлимыми и отдѣльными группами и по своему безучастію въ круговоротѣ частныхъ, сталкивающихся между собою интересовъ, болѣе способно, нежели кто бы то ни было, посредничать между преступникомъ и обществомъ и произнести возможно безпристрастный приговоръ.“ Да къ тому же приговоръ и наказаніе, имъ постановленные, естественно имѣли иное значеніе въ глазахъ преступника, его семьи и рода: благодаря безличности карающаго, они не могли вызвать того раздраженія и злобы, какую легко возбуждалъ актъ частной расправы.

6. Теперь процессъ перехода завершился и мы видимъ, что во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, безотносительно къ ихъ организаціи, конкретнымъ носителемъ общественнаго карательнаго права является верховная правительственная власть, или еще тѣснѣе, глава этой власти, въ которомъ олицетворяется государство. При этомъ власть верховная является субъектомъ карательнаго права по отношенію ко всѣмъ преступленіямъ, хотя бы даже возбужденіе преслѣдованія и примѣненіе наказанія, въ данномъ случаѣ, стояло въ зависимости отъ усмотрѣнія пострадавшаго или его представителей, такъ какъ и по дѣламъ уголовно-частнымъ подсудимый наказывается, въ интересахъ государства, его органами. Мало того, даже и въ тѣхъ исключительныхъ случа-

яхъ, гдѣ сохранились частныя наказанія. идущія непосредственно въ пользу пострадавшаго. какъ при обидахъ—взысканіе безчестья, или по закону 1867 г. при порубкахъ въ частныхъ лѣсахъ, и эти наказанія налагаются во имя государства.

7. Глава государства выполняетъ свою карательную функцію или непосредственно, или чрезъ особо на то установленныхъ органовъ, дѣйствующихъ въ качествѣ уполномоченныхъ отъ власти верховной ¹⁾.

Такъ, по нашему законодательству, непосредственно проявляется эта дѣятельность верховной власти въ случаяхъ чрезвычайнаго смягченія наказанія, выходящаго за предѣлы судейской власти (ул. ст. 154: у. у. с. ст. 945 п. 2); или при прекращеніи отбытія наказанія; или при возстановленіи въ правахъ (св. зак. т. IX, ст. 12).

Далѣе, въ виду сословныхъ привилегій, основывающихся на Высочайше дарованныхъ грамотахъ, а въ частности на жалованной грамотѣ дворянству 1785 г., лишеніе этихъ сословныхъ преимуществъ требуетъ особаго утвержденія Императора; поэтому, по ст. 945 у. у. с. на его непосредственное усмотрѣніе представляются, чрезъ министра юстиціи, всѣ приговоры суда, по которымъ дворяне, чиновники, священнослужители всѣхъ степеней духовной іерархіи и лица, имѣющія ордена и знаки отличія, снимаемые лишь съ Высочайшаго соизволенія, присуждаются къ наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

Отъ непосредственнаго усмотрѣнія или разрѣшенія Императора зависитъ самое возбужденіе преслѣдованія по нѣкоторымъ дѣламъ. Такъ, по 1109 ст. у. у. с. высшіе чины первыхъ трехъ классовъ предаются суду за преступленія по должности, только по Высочайше утвержденнымъ мнѣніямъ

---

¹⁾ На этотъ характеръ уполномочія указываетъ и самая форма судебныхъ приговоровъ; такъ напр. по нашему уставу уголовнаго судопроизводства они пишутся отъ имени Его Императорскаго Величества (у. у. с. ст. 796¹)

государственного совѣта; по ст. 202 зак. основ. отъ усмотрѣнія царствующаго Императора зависитъ возбужденіе преслѣдованія относительно членовъ царствующаго дома, обвиняемыхъ въ какихъ-либо преступленіяхъ. Дѣла о заочномъ оскорбленіи Государя или членовъ царствующаго Дома. могутъ быть направлены къ судебному разсмотрѣнію не иначе, какъ по докладу о томъ министромъ юстиціи Государю Императору; точно также требуется Высочайшее повелѣніе для прекращенія слѣдствій по политическимъ дѣламъ или для направленія ихъ въ порядкѣ административномъ (ст. 1045 у. у. с.) и т. д.

8. За этими исключеніями верховная власть осуществляетъ свое карательное право посредствомъ специальныхъ органовъ, опредѣляющихъ виновность и отвѣтственность нарушителей, или завѣдывающихъ порядкомъ отбытія наказаній.

Судебное преслѣдованіе виновныхъ принадлежитъ по общему правилу судебнымъ установленіямъ общимъ или особеннымъ, но въ нѣкоторыхъ, опредѣленныхъ случаяхъ, оно остается и по новымъ уставамъ за административными мѣстами. Такъ по 1149 ст. у. у. с (изд. 1876 г.) нѣкоторыя нарушенія уставовъ казеннаго управленія предоставлены непосредственному разбирательству самихъ—же управленій ¹⁾; по статьѣ 1239 у. у. с. подлежатъ непосредственному разсмотрѣнію административныхъ учрежденій нарушенія благоустройства и благочинія, означенныя въ приложеніи къ этой статьѣ. ²⁾ Эти изъятія могутъ быть понимаемы только огра-

---

¹⁾ Всѣ эти случаи, относящіеся къ нарушеніямъ уставовъ питейнаго, табачнаго, свеклосахарнаго производства, таможеннаго, лѣснаго, почтоваго, торговаго, промышленнаго и о частной золотопромышленности, перечислены въ приложеніи къ ст. 1149 у. у. с. Эти исключенія были характеризованы въ объяснительной запискѣ къ уставамъ 1864 г. слѣдующими общими признаками: «непосредственному вѣдѣнію казеннаго управленія предоставлены всѣ тѣ нарушенія, которыя, не требуя производства какихъ либо слѣдственныхъ дѣйствій, достаточно доказываются протоколами, составленными должностными лицами сего управленія, если притомъ нарушенія эти имѣютъ исключительно фискальный характеръ и наложенное за нихъ по закону изысканіе ограничивается, какъ за первое, такъ и за послѣдующія нарушенія, однимъ денежнымъ штрафомъ, или конфискаціею извѣстныхъ предметовъ».

²⁾ Сюда относятся нарушенія уставовъ: врачебнаго, караушнаго, торговаго

ничительно и всё другія нарушенія постановленій, ограждающих порядок и безопасность, или интересы казны, согласно съ 1150 и 1240 ст. у. у. с. могутъ быть облагаемы взысканіями только по постановленіямъ судебныхъ мѣстъ. Такъ напр. нарушенія обязательныхъ полицейскихъ постановленій городскихъ думъ, земствъ, могутъ быть наказуемы по ст. 29 м. у. мировыми судьями; нарушенія разнообразныхъ правилъ, обязательно соблюдаемыхъ на желѣзныхъ дорогахъ пассажирами и служащими, наказываются по ст. 1086 ул. и т. п.

Б. Дисциплинарныя власти

9. Но одна ли карательная власть чрезъ своихъ органовъ налагаетъ взысканія за нарушенія общественнаго порядка? И исторія и дѣйствительность отвѣчаютъ на это отрицательно. Рядомъ съ наказаніями по суду, мы встрѣчаемся съ разнообразными взысканіями, налагаемыми различными лицами и учрежденіями, имѣющими иногда даже частный характеръ: семьею, начальствомъ какаго—нибудь учебнаго заведенія, совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ, старшинами клуба и т. д. Власти, примѣняющія такіа взысканія, подводятся подъ одно общее понятіе властей дисциплинарныхъ и ихъ дѣятельность не только дополняетъ, но иногда и ограничиваетъ карательную власть государства ¹⁾.

Эти дисциплинарныя власти, по условіямъ ихъ возникновенія, могутъ быть сведены въ двумъ типамъ: 1) возникшія до государства и помимо его воли, какъ семья, церковь, и 2) вызванныя въ жизни государствомъ, какъ напр. у насъ, власть совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, предсѣдателя суда и т. п. Это различіе имѣетъ, по моему мнѣнію, большое значеніе при опредѣле-

---

мореплаванія, биржеваго, ремесленнаго, о сословныхъ собраніяхъ и о народной перениси

¹⁾ Мы не имѣемъ по этому вопросу ни одной новой монографіи, ни въ западной ни въ нашей литературѣ. Изъ учебниковъ болѣе подробно говорится о дисциплинарной власти у Köstlin, § 26; Holtzendorf. Einleitung, in Holtzendorffs Handbuch. §. 2.

пін ихъ отношеній къ власти карательной. Представители *первой* группы, какъ свидѣтельствуемъ намъ ихъ прошедшее, являлись вѣкогда съ безусловно карательными атрибутами и вели упорную борьбу съ государствомъ за предѣлы ихъ власти; напротивъ того, объемъ дѣятельности *второй* группы устанавливался путемъ теоретическимъ, зависилъ отъ болѣе или менѣе послѣдовательнаго проведенія принципа, вызвавшего самое ихъ возникновеніе

10. Выдающимся представителемъ перваго типа можетъ быть названа власть отца семейства, и въ особенности въ той ея формѣ, въ какую она вылилась въ древнемъ римскомъ правѣ ¹⁾, гдѣ *pater familias* являлся столько-же органомъ карательной власти, сколько и дисциплинарнымъ учрежденіемъ. Его расправа—*judicium domesticum*—вполнѣ уподоблялась судебной дѣятельности. Подъ его державною рукою стояло все, на что простиралось его *dominium ac potestas*: въ римскую семью входили не только дѣти, но и жена, если бракъ былъ заключенъ по строгой римской формѣ, входили и рабы. Глава семьи былъ не только распорядителемъ, но и юридическимъ ея представителемъ: всякій вредъ и ущербъ, причиненный кому либо изъ ея членовъ, являлся вредомъ ему нанесеннымъ: онъ искалъ съ обидчика въ свое имя, но за то онъ являлся и отвѣтчикомъ за домашнихъ, къ нему непосредственно предъявлялись всѣ иски и жалобы. При такой постановкѣ, понятно, что его власть по своему объему была безгранична: владыка семьи имѣлъ не только отдѣльныя права надъ своею чадью, но они всею полностью принадлежали ему, со всѣмъ, что дѣлами или что имѣли; это были *homines alieni juris*. Распорядитель судебъ семьи могъ продавать своихъ дѣтей, заключать и разрывать ихъ браки: надъ всѣми его домаш-

---

¹⁾ Подробное изложеніе объема дисциплинарной власти отца семейства въ Римѣ, можно найти у Geib. *Geschichte des römischen Criminalprocesses bis zum Tode Justinian's*, 1842, стр. 82—96, 228—233, 452—461. Талантливый очеркъ существа и характера этой власти даетъ Ihering, *Geist des römischen Rechts*, II т изд. 1866, стр. 148—204.

дами тяготѣло его грозное *ius vitae ac necis*. Суровая власть смягчалась только возможностью отвѣтственности за злоупотребленія ею, предъ органомъ народнаго охранителя добрыхъ нравовъ. предъ цензорами ¹⁾, да, по обычаю, въ важнѣйшихъ случаяхъ отецъ семейства долженъ былъ дѣйствовать не единолично, а совмѣстно съ другими родичами, или даже съ близкими друзьями дома ²⁾.

11. Подобный характеръ власти главы семьи не составляетъ исключительной особенности римской жизни. Если не въ такой строго опредѣленной юридической формѣ, то таковою же по своему объему, является она и въ древнѣйшемъ правѣ другихъ народовъ, напр. у германцевъ и у славянъ ³⁾.

Древне-германское право выработало два главные института охраненія мира и ненарушимости интересовъ: союзъ родственной защиты для охраны отъ нападенія извнѣ и власть домовладыки, для огражденія спокойствія внутри семьи: власть представителя ея интересовъ и карателя проступковъ. Нѣмецкіе историки различаютъ три вида такой власти или *mundium'a*: мужа надъ женою, родителей надъ дѣтьми, опекуна надъ малолѣтними сиротами. Но всѣ эти виды представляютъ одинъ типъ дисциплинарной власти, сохранявшей, съ нѣкоторыми ограниченіями, существованіе даже и въ позднѣйшее время замѣны родственной защиты — государственною.

¹⁾ О судѣ цензоровъ, вѣдавшихъ злоупотребленія какою либо законною властью, расточительность, неисполненіе религиозныхъ обычаевъ и т. д. и дѣйствовавшихъ исключительно по внутреннему убѣжденію, не стѣняясь никакими формальностями, смотри, кромѣ общихъ пособій по исторіи римскихъ учреждений. K. Iarcke. Versuch einer Darstellung des censorischen Strafrechts der Römer. 1824.

²⁾ Въ этой юридической формѣ просуществовала отцовская власть во весь блестящій періодъ республиканскаго Гима; только съ началомъ разложенія римской жизни, съ эпохою императорства, начинается не только фактическое но и законное ограниченіе семейной власти, отчасти вслѣдствіе устраненія строгаго брака отчасти въ силу прямыхъ постановленій. напр. законовъ Константина Великаго 318 года.

³⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія по этому вопросу можно найти у Шнилевскаго, Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ, 1869 г.; см. также Д. Дубакинъ, Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества до времени «Домостроя». 1880.

12. Народы славянскіе не выработали общаго названія для семейной власти, соответствующаго германскому *mundium*, но его главнѣйшіе виды мы можемъ прослѣдить и у насъ.

Такъ, несомнѣнно существовала въ нашемъ старомъ правѣ дисциплинарная власть мужа надъ женою, какъ о томъ свидѣтельствуютъ прямыя указанія лѣтописей и юридическихъ памятниковъ и въ особенности свадебные обряды, пѣсни и т. д. Эта власть обуславливалась уже самымъ первоначальнымъ способомъ заключенія брака — умыканіемъ или покупкою невѣсты, обычая, встрѣчавшагося не только въ эпоху Нестора, но и гораздо позднѣе и притомъ общаго всѣмъ славянскимъ народамъ. Естественно, что при такомъ возникновеніи брака, жена становилась подъ власть покупщика, пріобрѣтателя ¹⁾; ей приходилось, какъ говоритъ народная пѣсня: „держать голову поклонную, ретиво сердце покорное“. Это подчиненіе отразилось далѣе въ цѣломъ рядѣ символическихъ, свадебныхъ обрядовъ, какъ напр. въ разубавіи женою молодого, о которомъ говоритъ Несторъ и которое сохранилось и понынѣ во многихъ губерніяхъ; въ надѣваніи на жениха, по древнецерковному чиноположенію, при обрученіи перстня золотаго, а на невѣсту желѣзнаго, а въ другихъ мѣстахъ — серебрянаго, и т. д. Власть эта была не простымъ первенствомъ, а имѣла весьма матеріальный характеръ, на что указываетъ напр. также весьма распространенный свадебный обрядъ передачи плетки молодому отцомъ невѣсты ²⁾.

Да и много позднѣе извѣстный „Домострой“ попа Сильвестра, несомнѣнно отражающій въ своихъ правилахъ характеръ нашей семейной жизни 16-го вѣка, говорить: „А только

---

¹⁾ Причемъ, конечно, мужъ являлся естественнымъ представителемъ и защитникомъ своей жены, какъ это типично выражаютъ народныя поговорки: «родители берегутъ дочь до вѣнца, а мужъ — до конца»; «за мужа завалюсь, всѣмъ насмѣюсь, никого не боюсь»; «муженекъ хоть всего съ кулачекъ, да за мужниной головой не сижу сиротой»; «хоть съ нимъ и горе, а безъ него вдвое».

²⁾ Примѣры можно найти въ любомъ сборникѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ и обрядовъ, а въ особенности напр. у *Терещенки* — Бытъ русскаго народа; *Сисарова*. сказанія русскаго народа; *Снегирева*, русскія пословицы и притчи.